

УДК 165.0; 81:1

DOI: 10.17223/1998863X/36/8

А.Ю. Моисеева

СПЕЦИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ В ДОКСИЧЕСКИХ АТРИБУЦИЯХ

Тема статьи – способы спецификации модусов презентации или, в другой терминологии, понятий в доксических атрибуциях, согласно теории скрытых индексикалов. Рассматриваются спецификация посредством указания типа (С. Шиффер) и посредством указания самого понятия (М. Кримминс и Дж. Перри). Приводятся аргументы в пользу того, что версия М. Кримминса и Дж. Перри предпочтительна с формальной точки зрения, и ставится вопрос о том, насколько она правдоподобна.

Ключевые слова: доксические атрибуции, скрытые индексикалы, модус презентации, понятие, подразумевание.

Доксические атрибуции (belief ascriptions) представляют собой утверждения вида «*a* убежден, что *p*», где *a* именуется некоторого эпистемического агента, *p* – пропозицию. С такими утверждениями связана старая семантическая проблема, которая состоит в том, что в них не работает принцип подстановочности тождественного. Пример Г. Фреге с Фосфором и Геспером разбирался в литературе настолько часто, что нет смысла его повторять. Сегодня существует несколько теорий, по-разному объясняющих причину этого явления, но в основном обсуждаются теории Н. Сэлмона и С. Шиффера, в которых убеждение анализируется как трехместное отношение между агентом, пропозицией и неким элементом психики агента, который выступает посредником в процессе распознавания агентом пропозиции. Н. Сэлмон считает указание на этот третий член доксического отношения частью прагматической информации, привносящейся конкретным произнесением доксической атрибуции, С. Шиффер же пытается ввести его в семантическое содержание атрибуции. Для этого он постулирует существование некоторых скрытых семантических маркеров, определяющих третий элемент (он называется в этой теории модусом презентации) посредством ссылки на контекст. Поэтому теория С. Шиффера, а также подобные ей получили название теории скрытых индексикалов. Тема нашего обсуждения здесь – это способы спецификации модусов презентации или, в другой терминологии, понятий в теории скрытых индексикалов.

В статье «Доксическая атрибуция» [1] С. Шиффер утверждает, что, хотя модус презентации недоступен для внешнего наблюдения, репортер мог бы дать ему некоторое описание, основываясь на знании контекста. Контекст должен пониматься здесь в широком смысле, включающем информацию о том, как агент использует имена. Так, мы можем предполагать, что при обсуждении убеждений древнего астронома, выражающихся с использованием имени «Фосфор», будут релевантны те его модусы презентации Венеры, которые предполагают Венеру, видимую утром. Напротив, при обсуждении убеждений, выражающихся с использованием имени «Геспер», будут релевантны те модусы презентации Венеры, которые предполагают Венеру, ви-

димую вечером. Такое описание С. Шиффер называет типом модуса презентации. Как он утверждает, доксическая атрибуция, гласящая, что *a* убежден в *p*, истинна, если и только если

$$(TC) \Box m (B(a, p, m) \& Fm),$$

где *m* – модус презентации, *F* – тип, заданный контекстом.

Спецификация модусов презентации посредством указания их типа – операция, имеющая вполне ясный интуитивный смысл. Действительно, часто чтобы более точно передать, *что* агент думает об объекте, мы прибегаем к характеристике того, *как* он думает об этом объекте. Однако тип-специфицирующее условие истинности порождает некоторые проблемы. Представляется, что наиболее серьезна проблема, которая состоит в следующем: можно обоснованно сомневаться, что, когда репортер приписывает агенту убеждение, он подразумевает то, что, как предполагает наша теория, он должен подразумевать. Целесообразно будет вкратце воспроизвести здесь разъяснение этой проблемы, которое дает сам С. Шиффер.

Первая часть проблемы заключается в том, что репортер не согласился бы, если бы ему сказали, что он подразумевал пропозицию, включающую экзистенциальное обобщение и указание на тип модуса презентации. Отсюда можно вывести, что репортер в действительности не подразумевал такой пропозиции. Как пишет С. Шиффер, единственной альтернативой этому выводу является постулирование неявного (*tacit*) подразумевания – такого, которое недоступно для осознания самим репортером. Здесь мы сталкиваемся со второй частью проблемы. Очевидно, что необходимым условием даже неявного подразумевания является *намерение*, направленное на аудиторию. Нельзя подразумевать что-то, не намереваясь быть понятым. Отсюда теория неявного подразумевания предполагает, что имеется некоторый тип модуса презентации *F* такой, что репортер неявно подразумевает, что *a* убежден, что *p*, посредством модуса презентации типа *F*, и намерен (столь же неявно), чтобы его аудитория распознала, что он подразумевает, что *a* убежден, что *p*, посредством модуса презентации типа *F*. Но это «настолько же неправдоподобно, как распространять теорию дескрипций на «неполные» определенные дескрипции. Идея [такого распространения] состоит в том, что, когда говорящий произносит «Эта собака блохаста», должно быть некоторое свойство Φ , такое что он подразумевает пропозицию, что единственное нечто, являющееся собакой и Φ , блохасто. Настолько неправдоподобно это именно потому, что обычно будет множество потенциально полных дескрипций, которые одинаково очевидны в данном контексте (например, моя собака, собака, на которую мы оба смотрим, пятнистая собака в зеленом кресле и т.д.). Следовательно, весьма неправдоподобно, что будет одна дескрипция, такая что говорящий намеревается, чтобы между ним и его аудиторией было взаимопонимание в том, что он подразумевает пропозицию, включающую именно эту дескрипцию» [1. Р. 515–516].

Короче говоря, чтобы утверждать, что говорящий подразумевает определенный тип модуса презентации, мы должны иметь достаточные основания, чтобы отрицать, что он подразумевает любой другой тип модуса презентации, который можно было бы предположить исходя из контекста. Но у нас обычно нет таких оснований.

Указанной проблемы можно избежать, если предположить, что репортер способен знать не только о типе, но и о самом модусе презентации. Первыми, кто принял и попытался обосновать такое предположение, стали М. Кримминс и Дж. Перри. Рассмотрим их аргументацию.

Главные положения своей версии теории скрытых индексикалов М. Кримминс и Дж. Перри формулируют в статье «Принц и телефонная будка» [2]. Статья начинается с подробного моделирования внутренней структуры третьего члена доксихеского отношения, который авторы называют собственно убеждением. Но, поскольку убеждением обычно называется само доксихеское отношение, во избежание путаницы будем называть третий член мыслью, как это делает М. Кримминс в одной из более поздних статей [3]. В структуре мысли выделяется идея, репрезентирующая k -арное свойство или отношение, и упорядоченный набор из k понятий, репрезентирующих объекты:

$$Structure(\tau) = \langle I^k, n_1, \dots, n_k \rangle.$$

Содержанием мысли в некоторый момент времени считается пропозиция, в составе которой определенным образом скомбинированы содержания идеи и всех понятий, входящих в мысль, в этот момент времени:

$$Content(\tau, t) = \langle \langle Of(I^k, t); Of(n_1, t), \dots, Of(n_k, t) \rangle \rangle.$$

В качестве краеугольного камня всей семантики мысли выступает идея. Она ассоциирует конкретное понятие с одним из своих аргументных мест, и это аргументное место генерирует семантическую роль соответствующей конституэнты пропозиции. Так понятие оказывается «ответственным» за конкретную семантическую роль в пропозиции:

$$Responsible(n, r, \phi) \leftrightarrow_{\text{def}} \Box I, pl \text{ Associates } (\phi, I, n, pl) \ \& \ \text{Generates } (pl, r).$$

Пояснение к своей теории М. Кримминс и Дж. Перри дают в виде схемы, которую целесообразно здесь продублировать, используя в качестве примера утверждение «Артур убежден, что Иван побил Кая» (см. рис. 1).¹ Как видно из схемы, мысль Артура включает идею побивания (I_n), которая имеет два аргументных места (pl_+ и pl_-), а также понятие Ивана (n_u), которое ассоциируется с первым аргументным местом, и понятие Кая (n_k), которое ассоциируется со вторым аргументным местом. Два аргументных места генерируют две роли в структуре отношения, которое является содержанием идеи побивания (r_+ и r_-). За первую роль ответственно понятие Ивана, за вторую роль – понятие Кая. Содержанием этих понятий являются сами Иван и Кай, которые выполняют соответствующие роли в пропозиции. Таким образом, придаточное предложение доксихеской атрибуции «Артур убежден, что Иван побил Кая» сообщает, во-первых, что у Артура имеется идея, содержанием которой является отношение побивания; во-вторых, что у него имеется мысль, в которой идея побивания ассоциирована с определенными понятиями о том, кто побил, и о том, кого побили; в-третьих, что содержанием этих понятий являются Иван и Кай соответственно. Вся доксихеская атрибуция сообщает, что мысль, структура которой описана в придаточном предложении, является убеждением Артура.

¹ Оригинальную схему см. [3. P. 694. Fig. 1].

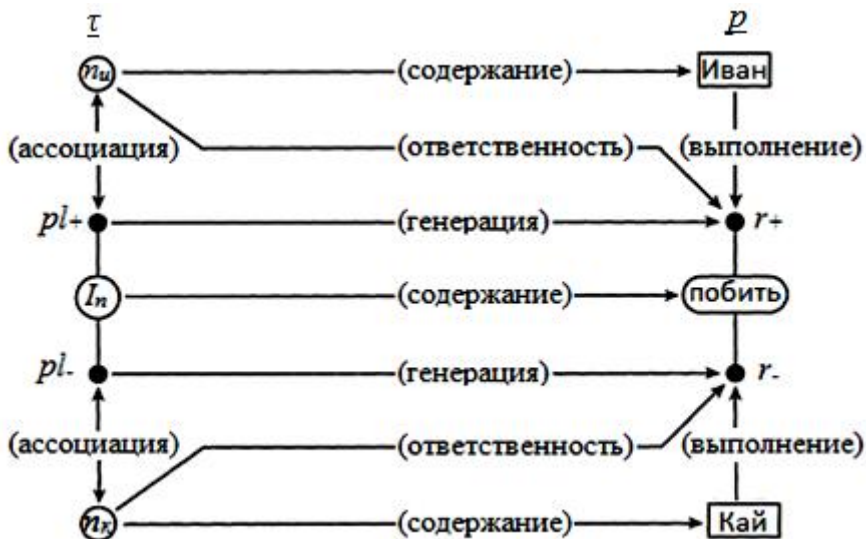

Рис. 1. Мысль Артура и ее содержание

Во всех подобных случаях, как считают М. Кримминс и Дж. Перри, док-сическая атрибуция, произнесенная в момент времени t и гласящая, что a убежден в p , истинна, если и только если

(ТС1) $\Box \phi [B(a, \phi, t) \& Content(\phi, t) = p \& \Box_{r \text{ в составе } p} Responsible(n_i, r_i, \phi)]$.

Как можно видеть, первые два конъюнкта в скобках по смыслу аналогичны шифферовскому отношению $B(a, p, m)$, если проигнорировать параметр времени, но в третьем конъюнкте вместо указания на тип стоит указание на каждое отдельное понятие. Предположение, что мы можем прямо указывать на понятия, присущие другим людям, на первый взгляд кажется слишком сильным. Однако, как показывает М. Кримминс в своей книге [4. Р. 89–91], это впечатление является следствием укорененности в философии расселовского взгляда на референцию, согласно которому говорящий может указывать лишь на те объекты, с которыми он непосредственно знаком. Если принять более «либеральное» условие референции, состоящее в том, что говорящий должен только знать, что объект существует, получится, что для указания на понятие достаточно знать (или предполагать, если допускаются пустые указания), что у агента существует это понятие. Основанием для такого предположения может быть тот простой факт, что агент однажды находился в ситуации, располагающей к формированию понятия об объекте, и был так или иначе заинтересован в этом объекте. С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что мы достаточно много знаем о понятиях, имеющих друг у друга.

В качестве иллюстрации М. Кримминс и Дж. Перри используют ситуацию из «Принца и нищего» Марка Твена, рассматривая ее так, как будто она реальна. Они рассматривают гипотетического читателя книги, который объясняет то, что Майлс Гендон, безденежный дворянин, который впервые встретил Эдуарда, одетого в лохмотья, не поклонился принцу, утверждая

(1) Майлс не был убежден, что он (Эдуард в лохмотьях) королевской крови.

При этом чтобы избежать вывода, что Майлс был глуп или невежествен, читатель поясняет, что Майлс разделял преобладающую концепцию по поводу Эдуарда Тюдора, утверждая

(2) Майлс был убежден, что Эдуард Тюдор королевской крови.

Согласно теории скрытых индексикалов, утверждения (1) и (2) оба истинны. Однако М. Кримминс и Дж. Перри объясняют, почему они истинны, иначе, чем это сделал бы С. Шиффер. Последний сказал бы, что Майлсу приписываются модусы презентации, принадлежащие к двум разным типам. Тип, подразумеваемый в утверждении (1), он мог бы обозначить как «модус презентации, предполагающий, что Эдуард нищий» или «модус презентации, предполагающий, что Эдуард одет в лохмотья» или «модус презентации, предполагающий, что Эдуард – это мальчик, который бежит по улице навстречу Майлсу» и т.д. Тип, подразумеваемый в утверждении (2), он мог бы обозначить как «модус презентации, предполагающий, что Эдуард носит фамилию "Тюдор"» или «модус презентации, предполагающий, что Эдуард – принц» или «модус презентации, предполагающий, что Эдуард никогда не выходил за пределы дворца» и т.д. Проблема была бы в том, чтобы обоснованно выбрать конкретные описания типов.

Согласно объяснению М. Кримминса и Дж. Перри, в утверждениях (1) и (2) Майлсу приписываются два понятия об Эдуарде, и читателю не нужно определять эти понятия посредством типа, поскольку он осведомлен о том, как Майлс приобрел их и для чего он их использует. Так, из книги читатель знает, что одно из понятий возникло у Майлса в результате встречи с Эдуардом, когда тот, одетый в лохмотья, бежал по улице. Это понятие используется в контексте взаимодействия Майлса с Эдуардом в лохмотьях, и именно оно релевантно для истинности утверждения (1). В то же время читатель имеет основания полагать, что у Майлса уже до этого было другое понятие об Эдуарде, которое возникло на основе описаний принца, которые Майлс слышал или читал в газетах. Это понятие используется в контексте, так сказать, политических действий Майлса и релевантно для истинности утверждения (2). Поскольку с обоими понятиями Майлс связывает одно и то же имя «Эдуард», читатель, чтобы быть более точным, может использовать в своих доксихеских атрибуциях пояснения «Тюдор» и «Эдуард в лохмотьях» или надеяться, что сам контекст, в котором произносятся эти атрибуции, подскажет аудитории, какое из понятий он подразумевает.

Тот факт, что спецификация понятий посредством прямого указания на них избавляет теорию доксихеских атрибуций от проблемы множественности типов понятия, предполагаемых исходя из контекста, заставляет считать этот способ спецификации предпочтительным с формальной точки зрения. Правда, это преимущество имеет свою цену. В частности, если предполагать, что в доксихеские атрибуции входит прямое указание на понятия, то любые изменения в понятиях окажутся чреваты изменением в значениях атрибуций. Например, придется считать, что утверждения

(3) В день встречи с Эдуардом Майлс был убежден, что Эдуард Тюдор – принц

и

(4) В день коронации Эдуарда Майлс был убежден, что Эдуард Тюдор – принц

приписывают Майлсу разные убеждения! В самом деле, если в (3) имя «Эдуард Тюдор» неявно указывает на понятие, которое Майлс использовал наряду с понятием Эдуарда в лохмотьях, то в (4) то же самое имя указывает на понятие, которое возникло в результате слияния двух понятий об Эдуарде, которые были у Майлса до этого. Отсюда следует, что, согласно теории М. Кримминса и Дж. Перри, когда Майлс понял, что Эдуард в лохмотьях и есть Эдуард Тюдор, он разом отказался от всех своих убеждений об Эдуарде и сформировал новые убеждения, во многих случаях идентичные по пропозициональному содержанию старым убеждениям. Правдоподобность этого вывода в лучшем случае под вопросом.

Кроме того, есть основания полагать, что в некоторых контекстах доксихическая атрибуция истинна в силу того факта, что в ней подразумевается не само понятие, а именно его тип. В качестве примера рассмотрим короткий вывод:

Каждый русский убежден, что Пушкин был гением.

Путин – русский.

Следовательно, Путин убежден, что Пушкин был гением¹.

Заключение представляет собой доксихическую атрибуцию, которая, будучи взята изолированно, могла бы рассматриваться как специфицирующая понятия посредством прямого указания. Но сам вывод, который здесь осуществляется, зависит не от того, что мы знаем о понятии Пушкина, имеющемся у Путина, а от того, что мы знаем о «нормальном» для русского человека понятии Пушкина. Поэтому представляется, что более правомерным было бы рассматривать ее как специфицирующую понятия посредством их типа.

Для анализа обобщающих доксихических атрибуций, подобных приведенной в примере, М. Кримминс и Дж. Перри формулируют свою версию тип-специфицирующего условия истинности. Она выглядит следующим образом:

(TC2) $\Box \phi [B(a, \phi, t) \& Content(\phi, t) = p \& \Box n_1, \dots, n_k \Box_r \text{ в составе } p \ C_i(n_i) \& Responsible(n_i, r_i, \tau)]$,

где C_i – свойство, заданное контекстом в связи с ролью r_i .

Ясно, что для этого условия также актуальна проблема, поставленная С. Шиффером. Таким образом, пытаясь ее избежать, М. Кримминс и Дж. Перри достигают лишь частичного успеха. Вопрос о том, является ли этот успех достаточным, чтобы предпочесть их теорию, можно считать открытым.

Литература

1. Schiffer S. Belief Ascription // The Journal of Philosophy. 1992. Vol. 89, № 10. P. 499–521.
2. Crimmins M., Perry J. The Prince and the Phone Booth: Reporting Puzzling Beliefs // The Journal of Philosophy, 1989. Vol. 86, № 12. P. 685–711.
3. Crimmins M. Context in the Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1992. № 15. P. 185–198.
4. Crimmins M. Talk about Beliefs. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
5. Crimmins M. Notional Specificity // Mind & Language. 1995. Vol. 10, № 4. P. 464–477.

Moiseeva Anna Y. – Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/8

NOTION SPECIFICATION IN BELIEF ASCRIPTIONS

Keywords: hidden indexicals, mode of presentation, notion, description, reference

¹ Аналогичный пример приводится у М. Кримминса [5].

In the spotlight of the semantics of belief contexts is the problem that in these contexts the substitutivity of identity principle is violated. One of the theories which pretend to explain this phenomenon is the theory of hidden indexicals. In this paper this theory given in version of Stephen Schiffer and in version of Mark Crimmins and John Perry is considered. Schiffer argues that belief is to be analyzed as a three place relation between an agent, a proposition and some mental entity which he calls *mode of presentation*. From his point of view, truth condition for belief ascription includes a designation of type of mode of presentation such that this type can be supposed on the basis of context. But one may reasonable doubt that, when a reporter ascribes a belief to an agent, he actually means what he would mean according this type-specifying condition. Schiffer comes to the following conclusion: to assume that the reporter mean one certain type of mode of presentation we should have sufficient reasons to deny that he mean any other type of mode of presentation which can be supposed on the context basis. But in general we do not have such reasons. The version of Mark Crimmins and John Perry avoid this problem fragmentary. A parallel to Schiffer's mode of presentation they call a *notion*. According to their theory, a reporter usually is able to refer to some notion directly, without the mediation on its type. To do this he only need to know that the agent has this notion. The reason for such knowledge may consist in simple fact that once the agent was in situation disposing to form the notion of an object and he was interested in this object. One weakness of such notion specification is as follows: any changes in agent's notions must affect to the truth value of the belief ascriptions involving direct reference to these notions. Sometimes it seems to be implausible. Besides, in some contexts, as one may reasonably assume, belief ascription is true exactly because of the fact that the reporter mean not the notion itself but the notion type. To analyze such contexts Crimmins and Perry give their own formulation of type-specifying condition, and for this condition the problem raised by Schiffer occurred to be actual too.

References

1. Schiffer, S. (1992) Belief Ascription. // The Journal of Philosophy. 1992. Vol. 89, № 10. P. 499–521.
2. Crimmins, M. & Perry, J. (1989) The Prince and the Phone Booth: Reporting Puzzling Beliefs. *The Journal of Philosophy*. 86(12). pp. 685–711. DOI: 10.2307/2027014
3. Crimmins, M. (1992) Context in the Attitudes. *Linguistics and Philosophy*. 15(2). pp. 185–198. DOI: 10.1007/BF00635806
4. Crimmins, M. (1992) *Talk about Beliefs*. Cambridge, MA: MIT Press.
5. Crimmins, M. (1995) Notional Specificity. *Mind & Language*. 10(4). pp. 464–477.